

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.76.11> EDN: TLGWXN

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПОВТОР КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ Э.М. РЕМАРКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Научная статья

Ефимова О.С.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-7108-2136;

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (jefimija3[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье анализируются коннотативные значения, которые возникают при повторе синтаксических конструкций или грамматических форм, анализ проводится на материале отдельных фрагментов романа «Возвращение». Особое внимание уделяется структурам с повторением временных форм глагола, а также грамматическим повторам с лексическими повторами. Авторское употребление грамматического повтора — это эффективный художественный прием для создания широкой палитры эмоций у читателя. Функции повтора как стилистического средства рассматриваются в тесной связи с использованием повтора в риторике. В статье анализируются точки зрения отечественных и зарубежных германистов относительно стилистической функции грамматического повтора в художественном произведении.

Ключевые слова: грамматический повтор, коннотативное значение, сема, грамматическая форма, риторика, синтаксическая структура, эмоциональная сфера.

GRAMMATICAL REPETITION AS A MEANS OF ARTISTIC EXPRESSION IN E.M. REMARQUE'S NOVEL "THE ROAD BACK"

Research article

Efimova O.S.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-7108-2136;

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (jefimija3[at]yandex.ru)

Abstract

The article analyses the connotative meanings that emerge when syntactic constructions or grammatical forms are repeated, based on material from selected passages of the novel "The Road Back". Particular attention is paid to structures involving the repetition of verb tenses, as well as grammatical repetitions accompanied by lexical ones. The author's use of grammatical repetition is an effective literary device for evoking a wide range of emotions in the reader. The functions of repetition as a stylistic device are examined in close relation to the use of repetition in rhetoric. The paper examines the views of Russian and foreign Germanists regarding the stylistic function of grammatical repetition in a work of fiction.

Keywords: grammatical repetition, connotative meaning, seme, grammatical form, rhetoric, syntactic structure, emotional sphere.

Введение

Вопросы функционирования традиционных грамматических категорий и структур в рамках стилистики макро- и микротекста были и остаются предметом исследования многих зарубежных и отечественных лингвистов. В частности, они занимались вопросами, связанными с различными видами повтора как особого средства художественной выразительности. К ним, например, относятся В.М. Жирмунский, И.Р. Гальперин, М.П. Брандес, Е.И. Шендельс, Н.М. Наер, Э.Г. Ризель.

Поскольку повтор является одним из важнейших риторических приемов, он был описан, в «Трактатах об ораторском искусстве» Марка Туллия Цицерона, большое внимание фигуре повторения (повтора) уделяет М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию». Ломоносов подчеркивает важность повтора (повторения в терминологии Ломоносова): «Из фигур речений знатнейшие суть: *повторение*, усугубление, восхождение, наклонение, многосоюзие, бессоюзие и согласование» [1, С. 368]. В современном учебнике по риторике его автор Х. Леммерман, говоря об этом ораторском приеме, указывает на то, что «В ораторском искусстве особое значение имеет повтор. Он вызывает воспоминание, глубже укрепляет основную мысль, повышает убедительность речи. Слушатель постоянно воспринимает новую мысль, повторение же восполняет организующую функцию» [2, С. 54].

Крупнейший русский лингвист В.В. Виноградов разграничивал стилистику языка, стилистику речи и стилистику художественной литературы. Формулируя задачи стилистики художественной литературы (он называл ее лингвистическая стилистика), он подчеркивал, что «... лингвистическая стилистика занимается анализом самой словесной ткани литературного произведения» [3, С. 69]. Если к первой группе задач лингвистической стилистики относится рассмотрение лексико-фразеологического состава и приемов синтаксической организации художественного

произведения, то вторая группа задач, стоящих перед лингвистом, включает в себя «... исследование стиля литературного произведения как целостного словесно-художественного единства, как особого типа стилевой словесной структуры» [3, С. 69].

Таким образом, анализ синтаксических средств (приемов), используемых автором конкретного произведения, относится к первой группе задач лингвистической стилистики, согласно В.В. Виноградову. Из этого можно заключить, что рассмотрение данного явления в русле грамматической стилистики представляется актуальным.

Цель представленной статьи заключается в анализе отдельных случаев использования грамматического повтора как стилистического приема и определении его эффекта при восприятии художественного текста.

Объектом исследования статьи являются отдельные отрывки романа «Возвращение», предметом исследования — определение функций грамматического повтора в данных частях романа.

При работе с данным содержанием использовался метод компонентного анализа, описательный метод, метод дедукции.

Основные результаты

2.1. Составляющие авторского стиля

Выразительность, неповторимость любого литературного произведения состоит в передаче мыслей, переживаний автора в свойственной этому автору манере. Тогда мы говорим об идиостиле или авторском стиле. В словаре М. Кожинной авторский стиль (идиостиль) определяется как «...совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [4, С. 95].

Более развернутую характеристику идиостиля мы находим у Е.В. Старковой: «Мы понимаем под идиостилем систему принципов моделирования индивидуально авторской картины мира посредством формирования содержания художественного текста, отбора языковых единиц и образных средств для его выражения, основанных на особенностях сознания языковой личности и её представлениях о действительности» [5, С. 79].

Стиль каждого автора индивидуален, неповторим. Говоря об авторском стиле, выделяют основные идеи, которые определяют мировоззрение писателя и содержание его произведений, круг сюжетов и характеров, описываемых в его книгах, типичные для автора художественные средства.

Именно присущее конкретному автору употребление выразительных средств: тропов, стилистических фигур, лексических и синтаксических средств является важнейшей составляющей идиостиля.

2.2. Роль повтора (повторения) в процессе познания

Результатом процесса повторения чего-либо является закрепление в памяти определенной информации, которая сообщается слушателю или читателю. Таким образом, цель повторения состоит в запоминании конкретных фактов и имеет практическое значение. Совершенно закономерно, что слова «повтор» и «повторить» имеют один и тот же корень. Глагол «повторить» имеет два значения:

- 1) сказать или сделать еще раз;
- 2) возобновить в памяти известное, заученное [6].

Повторение как процесс сохранения в памяти новых знаний является важнейшим элементом в процессе запоминания. «Повторение — процесс, являющийся необходимым условием прочности произвольного запоминания. Повторение выполняет неодинаковую роль на разных этапах запоминания. Вначале повторение с общей ориентировкой в структуре и содержании материала, затем со смысловой его группировкой, с выделением опорных пунктов. Повторения, включенные в сам процесс запоминания, носят осмысленный, активный характер» [7, С. 348–349].

Сам механизм процесса повторения используется не только в процессе обучения, передачи конкретных знаний, умений, навыков, но и в других сферах, где надо воздействовать на эмоциональную сферу реципиента, в частности, в художественной литературе.

2.3. Повтор в риторике

Повтор активно используется в ораторском искусстве, в риторике. Риторика как искусство красноречия возникла в Древней Греции, в Афинском государстве, об этом говорит Марк Туллий Цицерон, один из выдающихся ораторов античности: «Я уж не буду говорить о Греции, где ораторское искусство было и открыто, и доведено до совершенства; но ведь и в нашем отечестве уж, конечно, ничего никогда не изучали усерднее, нежели красноречие» [8, С. 13].

В своем трактате «Об ораторе» Цицерон рассуждает о том, как трудно стать настоящим оратором, указывает на умение правильно украсить свою речь, выбрав не только нужные слова, но и правильно расположив их, т.е. подчеркивает способность выстроить нужную фразу: «В самом деле, ведь здесь необходимо усвоить себе самые разнообразные познания, без которых беглость в словах бессмысленна и смешна; необходимо придать красоту самой речи, и не только *отбором, но и расположением слов*; и все движения души, которыми природа наделила род человеческий, необходимо изучить до тонкости, потому что вся мощь и искусство красноречия в том и должны проявляться, чтобы успокаивать или возбуждать души слушателей» [8, С. 17].

2.4. Авторское использование грамматических средств

Роль морфологических и синтаксических средств при создании художественного произведения очень важна, их значение не следует недооценивать.

На это указывал Р. Якобсон, анализируя переводы Пушкина на чешский язык, он обращал внимание, что недооценка грамматических явлений русского языка при переводе привела к упрощению содержания произведений Пушкина. «Становилось всё ясней: в поэзии Пушкина путеводная значимость морфологической и синтаксической ткани сплетается и соперничает с художественной ролью словесных тропов, нередко овладевая стихами и превращаясь

в главного, даже единственного носителя их сокровенной символики» [9, С. 592]. Хотя Р. Якобсон писал о поэтических произведениях, мы полагаем, что слова Р. Якобсона о роли грамматических средств в поэзии актуальны и для прозы.

2.5. Повтор как стилистическая фигура

Повтор как стилистическая фигура привлекает и привлекает внимание многих современных исследователей, причем они рассматривают повтор на уровне лексем, звуков, морфем и т.д.: «Повтором или репризой называются фигура речи, которая состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда, т.е. достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить. Так же, как другие фигуры речи, усиливающие выразительность высказывания, повторы можно рассматривать в плане расхождения между традиционно обозначающим и ситуативно обозначающим как некоторое целенаправленное отклонение от нейтральной синтаксической нормы, для которой достаточно однократного употребления слова.

К предметно-логической информации повтор обычно ничего не добавляет, и поэтому его можно расценивать как избыточность. ... Но пользоваться термином «избыточность» для повтора можно лишь с оговоркой, потому что повторы передают значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации и, кроме того, часто служат важным средством связи между предложениями, причем иногда предметно-логическую информацию бывает трудно отделить от дополнительной, прагматической» [10, С. 180]. На связь повтора в синтаксисе с выражением эмоций (категорией эмотивности) указывает Г.Н. Ленко: «На синтаксическом уровне категория эмотивности выражается при помощи синтаксических фигур. Самыми употребляемыми являются риторическое восклицание и повтор» [11, С. 46].

Среди разных видов повторов особое место занимает повтор грамматических форм или грамматической структуры, т.е. грамматический параллелизм. «Die gleichmäßige symmetrische Wiederkehr derselben Wortform oder Satzstruktur schafft den grammatischen Parallelismus. Bleibt dabei die Lexik unverändert oder leicht variiert, so entsteht eine doppelte Wiederholung.» «Регулярное повторение одинаковой словоформы или синтаксической конструкции создает грамматический параллелизм, если при этом лексическое наполнение остается прежним или слегка варьируется, то речь идет о двойном повторе» [12, С. 180] (здесь и далее перевод наш — О.Е.).

Е.И. Шендельс, рассматривая вопрос о выразительности грамматических средств, подчеркивает, что морфологические формы обладают стилистическим потенциалом. Используя определенные приемы автор или носитель языка реализует стилистические возможности словоформ. «Наше внимание будет обращено на морфологию, с целью выявления ее стилистических потенциалов и тех приемов, к которым прибегает художник слова (а возможно и любой носитель языка, осознанно или неосознанно), для того, чтобы реализовать эти потенциалы» [13, С. 220].

Е.И. Шендельс указывает на то, что словоформы по своей природе не имеют стилистической окраски, они стилистически маркируются лишь при определенном употреблении, в конкретном окружении: «Морфологическая форма (словоформа) не должна обладать стилистическим значением в качестве одного из компонентов своей смысловой структуры для того, чтобы приобрести в речи стилистическое звучание. Любая словоформа может иметь стилистическую информацию, если она помещена в стилистический фокус. Последний реализует стилистическую потенцию формы, которая скрыта в семах, составляющих ее денотативное содержание» [13, С. 220–221].

Исходя из этого утверждения, Е.И. Шендельс рассматривает повтор и противопоставление как стилистические фигуры из области конфигурации (с их помощью происходит размещение лексических единиц в тексте) [13, С. 221].

То, что грамматическая форма в морфологии или синтаксисе может получать дополнительную стилистическую информацию в зависимости от контекста, в котором она используется, подчеркивает Н.М. Наер: «Unter dem syntagmatischen Aspekt kann jede grammatische Form in der Morphologie und in der Syntax eine zusätzliche stilistische Information vermitteln. Jede grammatische Form kann ebenso wie jedes Wort vom Kontext und der Sprechsituation beeinflusst werden, d.h. eine und dieselbe grammatische Einheit oder Gruppe kann unterschiedlichen kontextuellen Stilwert haben» [12, С. 154]. «С точки зрения синтагматики любая грамматическая форма в морфологии и в синтаксисе может реализовывать дополнительное стилистическое значение. Каждая грамматическая форма, как и любая лексема может претерпевать влияние контекста, речевой ситуации и может получать разные дополнительные значения (коннотации)».

2.6. Грамматические повторы с глаголами в Präsens

Далее мы хотели бы рассмотреть отдельные примеры из романа, которые демонстрируют, какой эмоциональный эффект возникает в результате повторения словоформ или синтаксических конструкций.

Временная форма Präsens включает две семы, актуальность действия и длительность действия. В следующем отрывке употреблены глаголы в Präsens, кроме того в нем повторяется синтаксическая конструкция (повествовательное предложение с прямым порядком слов). «Ludwig liegt auf der Zeltbahn. Er hätte wirklich bleiben können. Max Weil gibt ihm ein Paar Tabletten zum Einnehmen. Valentin redet auf ihn ein, Schnaps zu trinken. Lederhose versucht eine saftige Schweinerei zu erzählen. Keiner hört hin. Wir liegen herum. Die Zeit geht weiter» [14, С. 11]. Повтор глагольной формы усиливается повтором синтаксической структуры, тем самым создается картина временного затишья, возможности хоть немного расслабиться. Включение лексемы Zeit в один ряд с именами конкретных лиц создает ощущение непрерывности бытия и скоротечности жизни человека.

В другой ситуации также употреблены в Präsens, повторяется конструкция с именным сказуемым и существительные в Dativ с von как однородные члены предложения. К описанию конкретной картины действительности примешивается чувство тоски и безнадежности. «Das Haus ist feucht und lichtlos, die Treppen sind schmutzig und beschlagen vom Waschküchengeruch, die Luft dumpf von Nachbarnhass und ungelüfteten Zimmern» [14, С. 209].

Описывая беспомощность, отчаяние, замешательство матери, сына которой обвинили в убийстве, использован глагол zittern в Präsens и одна и та же синтаксическая конструкция (предложение с прямым порядком слов). «Die Bänder ihres Altfrauenhutes zittern, das Taschentuch zittert, die schwarze Mantille zittert — die ganze Frau ist ein einziges

bebendes Stück Leid» [14, С. 218]. Грамматический и лексический повторы усиливают друг друга, читатель «погружается» в ситуацию, чувствует весь ее трагизм.

Используя большинство идентичных синтаксических конструкций в Präsens с непрямым порядком слов (в первых двух предложениях) и далее с прямым порядком слов, автор погружает читателя в атмосферу будничности города, которого не коснулась война, это усиливается употреблением существительных (или местоимений, замещающих существительные) из разных тематических рядов: животные — люди: «Aus den Dörfern starren die Leute hinter uns her. In einem Bahnwärterhaus stehen Blumen am Fenster. Eine Frau mit vollen Brüsten stillt ein Kind. Sie hat ein blaues Kleid an. Hunde bellen uns nach. Wolf bellt zurück. Am Weg bespringt ein Hahn eine Henne. Wir rauchen gedankenlos» [14, С. 26].

В другом эпизоде повторение синтаксической конструкции с *singen*, которая каждый раз варьируется, но подлежащее и сказуемое остаются неизменными, автор показывает, как постепенно пение охватывает всё больше и больше людей, распространяется по всему поезду, становится громче. Именно повтор синтаксической конструкции порождает эффект усиления, который был бы невозможен при использовании только лексических средств: «Bald singen alle, das ganze Abteil, das Nebenabteil auch, der ganze Wagen, der ganze Zug. Wir singen immer lauter, immer stärker, die Stirnen röten sich, die Adern schwelgen, wir singen alle Soldatenlieder, die wir kennen, wir stehen dabei auf und sehen uns an, die Augen glänzen, die Räder donnern den Rhythmus dazu, wir singen und singen ...» [14, С. 45].

Повтор местоимения *es* усиливает повтор синтаксической конструкции с темпоральным придаточным, тем самым автор передает смятение, обескураженность рассказчика как реакцию на слова знакомого о том, что он раздумывает, не вернуться ли ему в армию. «Etwas Unbestimmtes schleicht um mich herum, *es weicht zurück, wenn ich es greifen will, es löst sich auf, wenn ich darauf zugehe*, doch dann kriecht es wieder hinter mir zusammen» [14, С. 115].

При контактном повторении определенных лексем и синтаксических конструкций автор обращает внимание читателя на определенную микротему, главную мысль фрагмента текста. «Отдельные виды лексико-семантического повтора могут выполнять в тексте различные функции. Например, контактный повтор способствует развитию определенной микротемы в целом тексте, тогда как дистантный повтор актуализирует внимание читателя, обеспечивает связность текста» [15, С. 208].

2.7. Повторы, включающие разные временные формы глагола

В следующем отрывке с помощью контактного повтора синтаксических конструкций передается чувство опустошенности, подавленности, разочарования главного героя. Это достигается в результате перечисления вопросительных предложений без вопросительного слова, в которых чередуются употребленные форм в Präsens и Präterit, размышления заканчиваются повтором вопросов в Perfekt, которые не только указывают на завершение тяжелых размышлений, но и на невозможность найти ответ на мучительные вопросы. «Ist dieser leere nüchterne Platz mit der Fabrik davor tatsächlich der stille Fleck Welt, den wir Heimat nannten und der allein in der Flut des Entsetzens draußen Hoffnung bedeutete und Rettung vor dem Ertrinken? War es nicht eine andere als diese graue Straße mit den hässlichen Häusern, deren Bild in den kargen Pausen zwischen Tod und Leben über den Trichtern aufstieg wie ein wilder und schwermütiger Traum? War sie nicht viel leuchtender und schöner, viel weiter und erfüllter in meinen Gedanken? Ist denn alles nicht mehr wahr, hat mein Blut mich belogen, hat meine Erinnerung mich betrogen?» [14, С. 85].

Präterit традиционно употребляется в повествовании, действие которого относится к прошлому, Е.И. Шендельс подчеркивает: «Спокойная коннотация претерита отвечает установке на длительную, последовательную передачу событий» [13, С. 223]. Но в следующем отрывке, где повторяются синтаксические конструкции в Präterit, установка на спокойную, ясную передачу событий противоречит содержанию ситуации, тем самым подчеркивается весь ужас произошедшего, самоубийства друга главного героя: «Als er (Karl) gegangen war, in Beckenecken ordnete Ludwig seine paar Sachen und schrieb eine Zeitlang. Dann rückte er einen Stuhl ans Fenster und stellte ein Becken mit Wasser daneben auf den Tisch. Er verschloss die Tür, setzte sich in den Sessel und schnitt sich die Adern im Wasser auf. Der Schmerz war gering. Er sah das Blut fließen, ein Bild, an das er oft gedacht hatte: dieses verhasste, vergiftete Blut ausströmen zu lassen aus dem Körper» [14, С. 223].

В другой ситуации плавное повествование в Präterit с большинством конструкций, состоящих из активного глагола и неодушевленного существительного, показывает предсмертные картины, возникающие в сознании самоубийцы, его освобождение от душевных страданий: «Seine Jugend begann in Bildern. Eichendorff, die Wälder, das Heimweh. Versöhnt, ohne Schmerz. Hinter den Wäldern stieg Stacheldraht auf, die weißen Wölkchen der Schrapnells, der Einschlag schwerer Granaten. Doch sie erschreckten ihn nicht mehr. Sie waren gedämpft, fast wie Glocken» [14, С. 223].

Временная форма Perfekt имеет семы «прошедшее время», «контактность с настоящим», «законченность действия» [13, С. 222]. Е.И. Шендельс подчеркивает особую функцию Perfekt при повторе: «При повторе префекта усиливается сема «законченность действия», что создает впечатление отрывистого изложения, когда каждое действие приобретает характер целого эпизода. Увеличивается значимость и целостность отдельного события, исчезает плавность рассказа, в котором одно звено переходит в другое» [13, С. 223].

Мы полагаем, что следующий отрывок очень хорошо иллюстрирует эту мысль: «Ein Schuss ist gefallen, ein Stein hat sich gelöst, eine dunkle Hand hat zwischen uns gegriffen. Wir sind vor einem Schatten davongelaufen, aber wir sind im Kreise gelaufen, und der Schatten hat uns eingeholt» [14, С. 217]. Именно повтор конструкций в Perfekt подчеркивает, акцентирует мысль, что военное прошлое «настигло» героев, от него невозможно освободиться.

Конструкции, имеющие одинаковую синтаксическую структуру, могут не только описывать определенный эпизод, но и передавать череду действий, быстро сменяющих друг друга, так, в следующем отрывке с помощью в том числе и грамматических средств показана не только картина бреда, но и ощущения, которые испытывает главный герой (чувство опасности, страх, тревога). Изображение динамичных бредовых видений усиливается также благодаря повторению подлежащего, местоимения *ich*. «Ich drücke den Kopf weg, *ich* spanne alle Muskeln ein, *ich* werfe mich nach rechts, um der Schlinge zu entgehen — da, ein Ruck, ein erstickender Schmerz im Hals, der Tote schleift mich vorwärts, dem

Abhang der Kalkgrube zu, er wälzt mich hinunter, *ich* verliere das Gleichgewicht und versuche mich festzuhalten, *ich* rutsche, falle, schreie, falle endlos, schreie, schlage auf, schreie ...» [14, С. 110].

2.8. Дополнительное (коннотативное) значение повтора в некоторых побудительных и восклицательных предложениях

Повтор побудительного предложения, сопровождаемый расширением его содержания за счет включения новых лексем, позволяет почувствовать душевное состояние героя, который принимает судьбоносное решение об увольнении из школы в силу нравственных побуждений (человек, «запятнанный войной» не имеет права учить детей). Как мучительно дается это решение, показывает в частности повтор сказуемого, который дополняется уточнениями-существительными: «Ja, es ist wahr — *geht spielen* heute — den ganzen Tag — *geht spielen* in den Wald — oder mit euren Hunden und Katzen — ihr braucht erst morgen wiederkommen ...» [14, С. 190].

В другом эпизоде полностью, без вариаций повторяется побудительное предложение: тяжелораненые в лазарете умоляют взять их с собой, у них хватает сил только на эту просьбу о помощи: «Manche von den Schwerverletzten strecken ihre dünnen grauen Arme aus wie Kinder. *Nehmt mich doch mit, Kameraden!*», betteln sie, «*nehmt mich doch mit, Kameraden!*» [14, С. 27].

Повтор структуры восклицательного предложения в начале и в конце описания душевного состояния героя подчеркивает главную мысль, которая тревожит рассказчика: «Dann stehe ich auf. Ist das nun das Leben? Dieses monotone Gleichmaß der Tage und Stunden? *Wie wenig füllt es im Grunde doch aus!* Es bleibt noch immer viel zuviel Zeit zum Denken. Ich hatte gehofft, die Einförmigkeit würde mich beruhigen. Aber sie macht mich nur unruhiger. *Wie lang die Abende hier sind!*» [14, С. 184].

2.9. Повтор односоставных конструкций

Односоставные номинативные предложения находятся на периферии в немецком синтаксисе. Они являются бытийными предложениями, т.е. сообщают о наличии некоего предмета или состояния. В следующем эпизоде повторяется односоставное вопросительное предложение. Благодаря повтору показана эмоциональная реакция солдат на сообщение о мире, их обескураженность, ступор: «Wir sehen uns ungläubig an. Frieden? Ich lasse meine Handgranate fallen. *Frieden?* Ludwig legt sich langsam wieder auf seine Zeltbahn. *Frieden?* Bethke hat einen Ausdruck in den Augen, als würde sein Gesicht gleich zerbrechen. *Frieden?* Wessling steht unbeweglich wie ein Baum ...» [14, С. 12].

В другом отрывке автор использует односоставное предложение-сказуемое и односоставные бытийные предложения. Читатель видит картины, сменяющие друг друга, последствия войны, которые встречаются на каждом шагу, тем самым возникает эффект движения: «Marschieren, marschieren. Die Zone der Feldlazarette. Die Zone der Proviantämter. Unter den Bäumen Tragbahnen und Verwundete. Die Blätter fallen und decken sie zu mit Rot und Gold» [14, С. 26].

В следующем отрывке односоставные бытийные предложения рисуют противоположную картину, невозможность движения и выздоровления, обреченность раненых. На это указывает совершенно ясно не только сказуемое во втором предложении «..... nicht mehr transportiert werden können», но и цепочка односоставных, одинаковых по структуре предложений, описывающих раненых: « Ein Gaslazarett. Schwere Fälle, die nicht mehr transportiert werden können. Blaue, wächserne, grüne Gesichter, tote Augen, zerfressen von der Säure, röchelnde, würgende Sterbende» [14, С. 26].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что грамматический повтор является важным стилистическим средством, реализующим широкую палитру коннотативных значений. Этим свойством грамматического повтора активно пользовались ораторы разных времен, начиная с античности. Этот художественный прием «взяла на вооружение» художественная литература, авторы прибегают к нему в соответствии со своими индивидуальным стилем. В результате употребления грамматического повтора конкретным писателем появляются эмотивные коннотации, связанные с содержанием фрагмента текста, в котором появляется повтор.

Повторение грамматических конструкций, которое нередко сопровождается лексическим повтором, порождает в конкретном контексте различные дополнительные значения.

Их появление возможно только на синтагматическом уровне, т.е. на определенном отрезке текста.

Коннотативные значения в отличие от денотативных связаны с эмоциональной сферой, с чувствами, впечатлениями, которые производит на читателя текст. Сопутствующие значения вторичны по отношению к денотативным значениям, они невозможны без последних. Но их роль в восприятии художественного текста очень велика, т.к. важнейшей задачей любого литературного произведения, является воздействие на эмоциональную сферу читателя.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Лемешев К.Н. Фигуры повторения и усугубления в «Кратком руководстве к красноречию» М.В. Ломоносова / К.Н. Лемешев // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. — 2015. — Т. IX. С.-П. — С. 75–81.
2. Леммерман Х. Учебник риторики и дебатов / Х. Леммерман. — Москва: Уникум Пресс, 2002. — 109 с.
3. Барышева Л.С. О соотношений понятий стилистики языка, стилистики речи, стилистики художественной литературы в трудах академика В.В. Виноградова / Л.С. Барышева // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Гуманитарные науки. — 2007. — № 2. — С. 66–70.
4. Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М.Н. Кожинной. — Москва: Флинта: Наука, 2011. — 696 с.
5. Старкова Е.В. Проблема понимания идиостиля в лингвистических исследованиях / Е.В. Старкова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филологические науки. — 2015. — № 5. — С. 75–79.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — Москва: Русский язык, 1987. — 750 с.
7. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. — Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. — 672 с.
8. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / М.Т. Цицерон. — Москва: Наука, 1972. — 470 с.
9. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р.О. Якобсон // Филология: Школы и направления. — Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2014. — С. 592–596.
10. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. — Москва: ФЛИНТА, 2016. — 384 с.
11. Ленко Г.Н. Способы выражения эмоций в произведениях Кирстен Бойе / Г.Н. Ленко // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 446. — С. 41–48.
12. Naer N.M. Stilistik der deutschen Sprache / N.M. Naer. — Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2015. — 256 s. — EDN: ZVCFNN.
13. Шендельс Е.И. Избранные труды. К 90-летию со дня рождения / Е.И. Шендельс. — Москва: МГЛУ, 2006. — 352 с.
14. Remarque E.M. Der Weg zurück / E.M. Remarque. — Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1988. — 255 S.
15. Денисова А.К. Виды лексико-семантических повторов в немецкоязычном художественном тексте / А.К. Денисова // Вестник Курского государственного университета. — 2014. — № 4. — С. 206–209.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lemeshev K.N. Figuri povtoreniya i usugubleniya v «Kratkom rukovodstve k krasnorechiyu» M.V. Lomonosova [Figures of repetition and figures of strengthening in the short guide for rhetoric of M.V. Lomonosov] / K.N. Lemeshev // Acta Linguistica Petropolitana. Trudi Instituta lingvisticheskikh issledovaniy [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research]. — 2015. — Vol. IX. S.-P. — P. 75–81. [in Russian]
2. Lemmerman Kh. Uchebnik ritoriki i debatov [The textbook on rhetoric and the debate] / Kh. Lemmerman. — Moscow: Unikum Press, 2002. — 109 p. [in Russian]
3. Barysheva L.S. O sootnoshenii ponyatii stilistiki yazika, stilistiki rechi, stilistiki khudozhestvennoi literaturi v trudakh akademika V.V. Vinogradova [The relationship between the concepts of the style of language, the style of speech and the style of fiction in the scientific works of the academician V.V. Vinogradov] / L.S. Barysheva // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Gumanitarnie nauki [Kostroma State University Bulletin. Humanities]. — 2007. — № 2. — P. 66–70. [in Russian]
4. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar [Glossary of terms on stylistics] / Ed. by M.N. Kozhinoi. — Moscow: Flinta: Nauka, 2011. — 696 p. [in Russian]
5. Starkova Ye.V. Problema ponimaniya idiostilya v lingvisticheskikh issledovaniyakh [The problem of understanding of idiostyle in linguistic researches] / Ye.V. Starkova // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologicheskie nauki [Vyatka State Humanities University Bulletin]. — 2015. — № 5. — P. 75–79. [in Russian]
6. Ozhegov S.I. Slovar russkogo yazika [The dictionary of Russian] / S.I. Ozhegov. — Moscow: Russian Languages, 1987. — 750 p. [in Russian]
7. Bolshoi psikhologicheskii slovar [The big dictionary of terms on psychology] / Ed. by B.G. Meshcheryakova, V.P. Zinchenko. — Saint Petersburg: Praim-EVROZNAK, 2007. — 672 p. [in Russian]
8. Cicero M.T. Tri traktata ob oratorskom iskusstve [Three treatises on rhetoric] / M.T. Cicero. — Moscow: Nauka, 1972. — 470 p. [in Russian]
9. Yakobson R.O. Poeziya grammatiki i grammatika poezii [Poetry of grammar and grammar of poetry] / R.O. Yakobson // Filologiya: Shkoli i napravleniya [Philology: Schools and Directions]. — Stavropol: Dizain-studiya B, 2014. — P. 592–596. [in Russian]
10. Arnold I.V. Stilistika. Sovremennii angliiskii yazik [Stylistics. The modern English] / I.V. Arnold. — Moscow: FLINTA, 2016. — 384 p. [in Russian]
11. Lenko G.N. Sposobi virazheniya emotsii v proizvedeniyakh Kirsten Boie [The ways of emotional expression in the books of Kirsten Boie] / G.N. Lenko // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin]. — 2019. — № 446. — P. 41–48. [in Russian]
12. Naer N.M. Stilistik der deutschen Sprache [Stylistics of German] / N.M. Naer. — Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2015. — 256 p. — EDN: ZVCFNN. [in German]
13. Shendels E.I. Izbrannie trudi. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya [Selected works. On the 90th anniversary of his birth] / E.I. Shendels. — Moscow: MSLU, 2006. — 352 p. [in Russian]

14. Remark E.M. Der Weg zurück [The Road Back] / E.M. Remark. — Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1988. — 255 p. [in German]
15. Denisova A.K. Vidi leksiko-semanticheskikh povtorov v nemetskoyazichnom khudozhestvennom tekste [The types of lexical-semantic repetitions in German literary text] / A.K. Denisova // Vestnik Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Kursk State University Bulletin]. — 2014. — № 4. — P. 206–209. [in Russian]